

«Проза нашего времени»

Драїан
Мијаиловић

Девојчица и ветар

Драган Мияилович

Девочка и ветер

УДК 821.163.41

ББК 84.4

М71

Мияилович, Драган

М71 Девочка и ветер / Пер. с серб. Л. Зелькович. – М.: Этерна, 2016. – 266 с. – (Проза нашего времени).

ISBN 978-5-480-00370-3

Этот роман никого не оставит равнодушным. Трогательный и интересный рассказ о молодой женщине, попавшей в зависимость от наркотиков и из-за этого оказавшейся в страшной беде, написан очень эмоционально и колоритно.

Писатель Драган Мияилович, сербский священник и психолог, погружается во внутреннее состояние души своих героев, верно передавая его читателю, пытается донести свою основную мысль: в сегодняшнем всеобщем хаосе любовь – это единственное, что может победить зло.

УДК 821.163.41

ББК 84.4

ISBN 978-5-480-00370-3

(Россия)

ISBN 978-86-07-02040-9

(Сербия)

© Драган Мияилович, 2016

© Л. Зелькович, перевод

с сербского, 2016

© ООО «Издательство «Этерна»,

издание на русском языке,

2016

Некий человек, окончивший свой жизненный путь на земле, оказался перед воротами рая.

Тут его встретил озаренный светом ангел Божий с вопросом:

– Какие раны и шрамы ты несешь оттуда, снизу?

– Раны и шрамы? – Человек начал смущенно осматривать себя справа, слева и наконец, не найдя ни одной царапины, ответил: – У меня их нет.

– Насколько твоя жизнь была пустой и бесцельной, если их нет. Неужели на земле у тебя не было ни одного существа, за кого ты был бы готов к самопожертвованию и страданию?! – сказал ангел и закрыл райские двери перед таким ничтожеством.

Через полузакрытые жалюзи в комнату проникал светло-желтый свет уличных фонарей. В полутемной комнате раздавалось тихое равномерное детское сопение. За ритмом невинного дыхания внимательно следил коричневый плюшевый мишка с книжной полки, рядом с раскрасками и карандашами. На улице уже безоглядно царила серая осенняя скандинавская ночь. Стоило ветру подуть сильнее, как за окном омытые ледяным дождем голые ветки деревьев с шумом сгибались, рисуя в комнате подвижные тени. Полоска света на миг пробежала по потолку, а потом, скользнув по розовым обоям, задержалась на спящем детском личике.

На румяной щечке четырехлетней девочки тихо спала золотая прядь волос, разметавшихся по отороченной кружевами шелковой подушке, а другая щека почивала в тени на белом тонком запястье.

Девочка невероятно походила на ангела. И имя у нее было – Ангелина. Казалось, что она сошла с одного из полотен Микеланджело, сбежала из хора херувимов перед престолом Создателя и

слетела в голубоватую полутьму комнатки на периферии Гетеборга.

Надув румяные губки, девочка безмятежно спала, но иногда ее ресницы вздрагивали – кто знает, что она видела во сне. Невинный детский сон – царство без границ, где возможно все, о чем ни пожелаешь, где и невозможное возможно, где все чисто и гармонично, особенно если дети отходят ко сну на волнах сказки и нежных колыбельных песен.

Ангелине никогда не рассказывали сказок, не пели колыбельных.

Она сама себе придумывала сказки, глядя перед сном в звездное небо на потолке над своей кроватью. Однажды, а такое случалось нечасто, мама вернулась из города в хорошем настроении, неся под мышкой упаковку самоклеящихся флуоресцентных пластмассовых звезд:

– Ангелина, смотри, что тебе мама купила!

– Что ты мне купила? – Девочка с любопытством посмотрела на нее большими голубыми глазами, нетерпеливо пытаясь открыть пластмассовую коробку.

Взобравшись на стол, хрупкая молодая женщина, возраст которой нелегко было определить – где-то между двадцатью и двадцатью пятью годами, – в каком-то детском восторге распределяла по потолку и приклеивала серебряные звезды, предварительно освобождая их от пленки, в которую они были упакованы.

Клочки тонкой пленки, словно снежинки, летали по комнате, подхваченные дуновением легкого ветерка.

– Мама, смотри, падает снег! – восторженно смеялась девочка.

В детской памяти такие моменты не стираются и остаются навсегда запечатленными в прекрасной мозаике самых дорогих воспоминаний. Они сопровождают детей в течение всей жизни, чтобы потом, в будущем, когда на них свалится груз житейских забот, страданий и разочарований, у них было спрятанное сокровище, способное заменить серость и грубую банальность будней.

– Ангелина, подай мне ножницы!

– Вот, мама, возьми.

– Куда нам наклеить эту звезду?

– Туда, слева, к стене.

– А месяц?

– Тут, над моей головой, – радостно восклицала девочка.

Серебряный серп месяца был поставлен точно на место, которое определила Ангелина, и все напоминало невинную детскую игру, которой наслаждались обе. Большая девочка – мама, увлеченная игрой, приклеивала звезды все быстрее, а маленькая девочка – дочка радостными возгласами одобряла каждое действие матери.

Потом они долго танцевали посреди комнаты, держась за руки, кружась по маленькому синему ковру, все быстрее и быстрее, а их звонкий смех волнами перекачивался через открытое окно на улицу, освещенную солнцем.

Пока девочка спала блаженным детским сном, в соседней комнате за кухонным столом сидели ее родители. Их мучили совсем другие заботы.

Отец, худощавый, ширококостный мужчина, с изможденным, небритым лицом, невысокий, буквально на пару сантиметров выше матери, резким движением поднялся из-за стола и нервно стал расхаживать по кухне:

– Ивана, с кем я живу! Хочешь дозу, а сама ничего сделать не можешь. У тебя был целый день, чтобы найти немного порошка, а ты дождалась полуночи! Где сейчас его искать?! Можешь названивать до завтра, ничего у тебя не выйдет.

– Заткнись! – Она посмотрела на него пустым взглядом, в который раз набирая номер телефона.

– Алло!

– Это ты, Томас?

– Да, это Томас. Дежурный стригаль заблудших овец. Спаситель мертвых!

– У тебя есть немного?

– Зависит – чего?

– Ты отлично знаешь. Прошу тебя, помоги мне. У меня ломка такая, что можно сойти с ума, я больше выдержать не могу.

– Ладно.

– Я тебе этого никогда не забуду! Да. Приедем через полчаса. – Она победоносно посмотрела на Стефана. – Вот тебе, засранец, кто ни на что не способен! У меня есть друзья, а твои где? – Ивана ликовала.

– Молодец! – оживился Стефан.

– Приготовь Ангелину, мы не можем оставить ее одну.

Они, как фурии, влетели в комнату, в которой спала девочка. Ребенок лежал, отвернувшись

лицом к стене. В невинном детском сне девочка пукнула. Маленькая, дивно вылепленная ступня высунулась из-под одеяла.

– Ангелина, быстро вставай, нам надо пойти в одно место!

Девочка в ответ свернулась калачиком, втянув обнаженную ногу под теплое одеяло.

– Ну, давай же, вставай, мы недолго, быстро вернемся.

– Пусти меня, я хочу спать, – в дремоте просил полуразбуженный ребенок, пока мама торопливыми движениями натягивала ей поверх пижамы цветной джемпер.

С обуванием дело обстояло сложнее, поскольку ребенок безвольно повис, опустив расслабленную ножку, на которую отцу никак не удавалось натянуть ботиночек.

– Ради бога, что ты так разомлела, как идиотка?

– Я хочу спать, – умоляющим голосом Ангелина пыталась дать им понять, как сильно она хочет вернуться назад, в постель.

– Будь хорошей девочкой, папа купит тебе игровую приставку «Нинтендо».

– Как ты купишь, когда у тебя никогда нет денег?

– Будут! Завтра один человек вернет мне долг. Пошли...

По пустынным ступенькам дома, жильцы которого уже давно спали, эхом раздавались спешные шаги несчастной семьи, которая, кто знает, по чьей вине или по чьей прихоти, свернула в жизни на кривую дорожку в никуда. Входная дверь с треском захлопнулась за ними, пропустив их в серую,

дождливую ночь. Отец, натянув на голову капюшон, нес ребенка на руках к машине, мать трусилась рысцой за ними.

– О, черт побери, я забыл ключ!

– Где твои мозги, осел! – огрызнулась мать.

– Подержи Ангелину, я быстро.

Девочка прижалась к матери, ища теплого укрытия. Мелкий дождь, подхваченный ветром, капал на лицо девочки.

– Вы меня вообще не любите, – капризно шептала она, все крепче прижимаясь к материнскому плащу.

– Мы тебя любим. – Материнский голос слился с шумом проезжающего мимо автомобиля, который пронесся по луже рядом с тротуаром и обрызгал их ледяной водой.

– Кретин! – выругалась молодая женщина вслед стремительно умчавшемуся за поворот лихачу.

– Смотри, мама, что он мне сделал, – заплакала Ангелина.

– Высохнешь, мы быстро вернемся.

В этот момент подошел Стефан с ключом от автомобиля.

– Залезайте! – крикнул он, пропустив их на заднее сиденье, и нажал на газ.

На пустынных улицах почти никого не было. Иногда какой-нибудь запоздалый прохожий, втянув голову в воротник, торопился поскорее спрятаться от ледяного дождя, который, казалось, пробирал до костей, под защиту своего дома.

Порывы ветра гоняли сухие листья. Желтый свет уличных фонарей болезненно и бессильно

пробивался сквозь густую голубоватую изморось, отражаясь на мокром асфальте.

В машине было холодно. Еще неделю назад Стефан заметил, что в его старом «опеле», которому уже давно было место на свалке, не работает печка. За неимением денег он не обращал на это внимания. Проблема была в лобовом стекле, оно часто запотевало изнутри, поэтому Стефану приходилось постоянно протирать его правой рукой, а левой – придерживать руль. Где когда-то было радио, торчали вырванные провода. Стефан был должен за последние две дозы героина, но искусно избегал встречи с местными наркодилерами, однако они подкараулили и вклеили ему пару тумаков. Пытаясь согреться, девочка прижималась к матери, положив маленькую золотистую головку на ее плечо.

– Мама, мне холодно. – Она почти стучала зубами, чувствуя, как колючие мурашки холода ползут по спине вверх, к кудрявым прядям волос.

– Потерпи, сейчас уже приедем, – подбадривала ее мать.

Вскоре они добрались до Гордстена¹.

– Пойдем вместе, – сказал Стефан.

– Видишь, я тебя не обманула, – добавила Ивана. – Сейчас согреешься.

Ангелина не произнесла ни слова. Она послушно шла между ними, устало наблюдая, куда ее ведут. Стефан нажал на звонок входной двери.

¹ Один из микрорайонов Гётеборга. – *Здесь и далее прим. пер.*

В дверном проеме Ангелина увидела рыжего толстого мужчину, который одним своим видом вызвал у нее чувство неприязни, и она еще сильнее прижалась к матери. Над животом, обросшим желтоватыми вьющимися волосами и волнообразно свисающим поверх кожаного ремня, была заката-на наверх серая хлопчатобумажная майка. С крупного накачанного плеча, разинув пасть и высунув язык, насмеялся наколотый зеленый дракон.

– Смотрите, кто к нам пришел! Семейка спящих в полном составе! Заходите!

Они прошли вслед за мужчиной с коротко стриженным затылком в полутьме коридора в гостиную. Тяжелый запах алкогольных испарений, пота и сладковатый аромат марихуаны до краев наполнили задымленную комнату. На полу лежали разбросанные газеты, банки от пива и пепельница, полная окурков. На диване, заваленном тряпьем, сидели неподвижно, подобно гуру, двое молодых людей со стелянным взглядом.

– Привет, Стеф! – обратился один из них к Стефану, протягивая длинную худую руку.

– Привет!

– На что тебе здесь эта малявка? Не рано ли она начала?

– Готовь ее к «Гиннесу»¹, – добавил другой, сминая костлявыми пальцами пустую алюминиевую банку.

– Малышка-вундеркинд.

– Ты мог отправить Ивану одну, а сам бы остался в своей берлоге и смотрел за ребенком, –

¹ Знаменитое ирландское темное пиво.

загромыхал Томас, шлепнув Ивану по заднице. – Не бойся, ничего страшного с ней бы не случилось. Она выносливая.

– Дурак! – Ивана оттолкнула дерзкую руку.

– Ну что ты возмущаешься? Попка – не мыло, не смылится. Осталось бы и для него. Впрочем, он больше уже и не может. Разве не так? Признайся, – поддразнивали они Стефана и хохотали.

– Мама, я боюсь! – Девочка прижалась к матери, интуитивно чувствуя, что беседа с этими грубыми людьми ни к чему хорошему не приведет. Ангелина смотрела на троих мужчин с осуждением и страхом, давая им ясно понять, какие чувства они у нее вызывают.

– Смотри, как насупилась. Должно быть, ты делал ее в состоянии абстыги¹, – смеялся Томас, указывая на свободное место, где они могут расположиться.

– Мама, когда мы пойдем домой? Я боюсь, – шепнула матери на ухо девочка.

– Тебе нечего бояться, это наши друзья.

– Они нам не друзья. Смотри, какие они! – упорно настаивала Ангелина.

В душах маленьких детей есть встроенный защитный механизм, с помощью которого они интуитивно и безошибочно отличают хороших людей от плохих. Сияющим ясным взглядом они ищут человека среди взрослых. В чьих глазах они угадывают доброту и душевную гармонию, к тому бросаются в объятия, а кого-то с недоверием избегают. В сердце, как на точнейших весах,

¹ Абстиненция, синдром отмены наркотика.

дети взвешивают, кто и в какой мере достоин их доверия.

– Чего желают господа? – постукивая пальцем о стол, спросил у них Томас.

– У тебя есть немного белого¹, чтобы разогнать эту скуку?

– Есть! Доставай капусту².

– Вот тебе двести крон.

Стефан вытащил из кармана две смятые банкноты и протянул их дилеру. Тот взял их и бросил на стол. Одна отлетела на пол к пустым банкам и паре черных грязных носков.

– Что это? – Томас смотрел на него повелительно и с презрением, гримаса отвращения появилась на одуловатом, изрытом оспинами лице.

– Подожди до завтра. Завтра мне один человек вернет долг.

– Пошел вон, прохвост!

– Послушай меня!

– Не хочу тебя слушать. Завтра, когда «один человек» вернет тебе долг, позвони мне. А сейчас подбери эту мелочь, и чтобы я тебя здесь больше не видел. Подбирай, кому говорю!

Стефан нагнулся, чтобы поднять банкноту, и в этот момент громила пнул его сзади ногой.

¹ Белый – так наркоманы называют, как правило, очищенный героин или морфин, в противовес «черному» – опию-сырцу (ханке). Также это название относится к любому другому чистому наркотику (в виде белого порошка) – кокаину, эфедрину, амфетамину.

² Капуста – так на воровском жаргоне называют деньги.

Несостоявшийся покупатель, потеряв равновесие, упал под стол, ударился головой о нижнюю перекладину стола и ободрал нос.

– Томас, ты ненормальный! – вскочила с криком Ивана, схватив его за мясистое запястье.

– А ты, засранка, сиди, пока и тебе не влетело. – Он оттолкнул ее назад в ободранное кресло, с которого она только что пыталась подняться.

Перепуганная Ангелина всхлипывала, вся дрожа. Два чистых ручейка слез лились по ее щекам. Эти люди в прокуренной комнате, из которой их выгнали на улицу, не стоили невинных детских слез.

II

Мария Савич жила в двухкомнатной квартире на Дорчоле¹, одна с дочерью Ивановой, едва сводя концы с концами и борясь за выживание. Ей было нелегко, но она как-то выходила из положения. Ее муж, Алекса, сразу же после развода, в поисках куска хлеба оказался в Гетеборге. Найдя работу и квартиру, познакомился со шведкой Линдой, которая была намного моложе его, с ней он жил в гражданском браке, и она родила ему сына. Разница в возрасте, разногласия, когда его балканский темперамент не сочетался с ее скандинавским, и все более частые отлучки из дома привели к тому, что их пути разошлись.

Линда переселилась в Карлштадт², а он остался в Гетеборге. Дни казались похожими один на другой, не считая ежегодных отпусков, когда он приезжал в Белград. Каждый день, утром, он уходил на работу, а вечером встречался с земляками

¹ Название одного из районов в центре Белграда, столицы Сербии.

² Город и порт в Швеции на берегу Балтийского моря.

в клубах и кафе, где они боролись с ностальгией и забывали о ежедневных проблемах, заливая их виски и замечательным пивом «Карлсберг». Неудовлетворенность жизнью и монотонность будней казались ему неразрешимыми проблемами, поэтому он много пил.

В середине июля, по дороге в Бело-Поле¹, откуда был родом, Алекса появился в Белграде, чтобы ненадолго увидиться с дочерью. Каждый год он удивлялся, насколько она выросла и изменилась. Смотрел на нее и не понимал, что жизнь проходит быстро, а детство длится так недолго.

– Ивана, это твой отец. Обними его, не бойся, – сказала ей Мария ледяным голосом, свидетельствующим, что все чувства к нему она давно похоронила.

Дочка, смущаясь, смотрела на него исподлобья, держалась за спинку стула и не решалась подойти.

– Это тебе! – Он протянул ей красиво упакованный подарок. Но ее руки не взлетели навстречу яркой подарочной обертке, а остались крепко прижатыми к стулу.

Алекса взял ее на руки и поднял высоко над головой. Она не ответила на поцелуй, но улыбнулась краешком губ.

– Ты не рада папе?

– У меня нет папы! – в тот день она больше ничего не сказала, до самого ужина. Он пробыл у них недолго, двери за собой закрыл необычайно тихо, как будто извинялся или стыдился.

¹ Посёлок на юге Сербии.

Когда вуаль первых сумерек накрыла оконные проемы, Ивана легла на диван, положив голову на колени Марии, и тихо, с какой-то хрустальной грустью в голосе, очень серьезно спросила мать:

– Мама, а он правда мой папа?

– Да, счастье мое. – Ивана почувствовала, как мамины пальцы гладят ее по затылку.

Семнадцать весен и зим пролетело, и Ивана превратилась в стройную черноглазую девушку, ей вслед оборачивались молодые люди, желая обратить на себя ее внимание. Все чаще она стала пропадать из дома и общаться с сомнительными типами, ежедневно устраивая словесные баталии с матерью. И вот однажды, с адресом отца в руке, с небольшим туристским рюкзаком за плечами, ниоткуда и без предупреждения она появилась перед дверями квартиры отца в Гетеборге. На ее настойчивый звонок никто не ответил, поэтому она позвонила в соседнюю дверь. Небольшие познания в английском языке позволили ей понять, что Алекса, вероятно, на работе и вернется только после пяти вечера. Ивана достала из рюкзака последний оставшийся бутерброд, поела и стала ждать. Ожидание казалось бесконечным. Всегда, когда мы кого-то ждем, минуты текут еле-еле, время останавливается, переходя в состояние покоя, и, следя за медленным передвижением стрелок на часах, мы начинаем понимать глубину своего бессилия и вкус одиночества. Когда сумрак обнял своими темными лапами двор перед домом, почувствовав, как холод заби-

рается под майку и щекочет бока, Ивана вошла в дом и села на ступеньки перед квартирой Алексы. Где-то около половины десятого хлопнула входная дверь подъезда и послышался стук шагов, поднимающихся наверх. Она сразу же почувствовала, что это он. Сначала появилась его макушка с уже поредевшими волосами и почувствовался легкий запах спиртного, потом – крупная мозолистая рука, держащаяся за перила, и, наконец, его удивленный взгляд.

– Здравствуй, папа!

– Ты? Ивана! Ты откуда?

– Вот, приехала. Ты мне нужен.

– С кем ты приехала?

– Одна. На поезде, через Будапешт и Прагу.

Он обнял ее. Его жесткая щетина обожгла лицо. Девушка ощутила какой-то кисловатый запах. От него пахло трактиром и женщинами. Запах душил ее, она почувствовала какую-то тошноту в желудке, какое-то неприятие, но ничего не сказала. Ивана не таким его себе представляла.

– Пожалуйста, заходи!

Он открыл дверь и вошел первым. Квартира была запущена, в страшном беспорядке. Через приоткрытую дверь она увидела, что на полу стоит пепельница, полная окурков, валяется несколько счетов и какой-то порнографический журнал, который Алекса поднял вместе с перекинутыми через спинку дивана брюками и отнес в ванную.

– Прости за беспорядок. Я утром проспал, побежал на работу, не успев прибраться в квартире. Почему ты не сообщила мне, что приезжаешь?

– Хотела сделать тебе сюрприз.

– На сколько ты приехала?

– Я не планирую возвращаться. Остаюсь у тебя.

– Как ты себе это представляешь? А что на это скажет мама?

– Мне семнадцать лет. Скоро я буду совершеннолетней. Моя жизнь – это моя жизнь, и мне решать, как ее прожить. С Марией жить я больше не могу. Она мне не верит, постоянно следит за мной: чем я занимаюсь, с кем дружу, устанавливает мне правила, когда можно выйти и когда вернуться домой, будто я маленькая. Знаешь песню: «Правила, правила, вы меня достали, да...»

– Хорошо, Ивана, но она – твоя мать. Она должна заботиться о тебе.

– Папа, ты хорошо знаешь, какая она зануда. Если бы это было не так, ты бы от нее не ушел.

– Чем она занимается?

– Устроилась на работу в кафе напротив футбольного стадиона.

– Она одна?

– Думаю, что нет. Время от времени встречается с каким-то тренером молодежной команды.

– Извини, я не спросил тебя, ты голодна? Хочешь есть?

– Можно. Проголодалась, пока тебя ждала.

Пока Ивана мыла оставшуюся со вчерашнего дня посуду, Алекса приготовил ей омлет с сосисками и поставил на стол.

– Старик, мне пришла в голову одна идея. Это знаменательный день. Если я когда-нибудь напишу книгу, она будет называться «Первый ужин с отцом»! Класс! А?

В течение нескольких следующих дней Алекса в полицейском управлении и миграционной службе получил все необходимые бумаги и разрешение на временное пребывание для дочери и записал ее на интенсивный курс шведского языка.

Когда август приблизился к зениту и на аллеях стали желтеть первые листья, напоминая о скором приближении осени, Ивана пошла учиться в техникум. Она была сметливой девушкой и очень быстро вписалась и в компанию, и в учебный процесс, хотя большого рвения к занятиям не проявляла. Благодаря тому что во время уроков она была сосредоточенна и внимательно слушала, что говорят преподаватели, дома выполняла только обязательные задания. Отец возвращался с работы довольно поздно, а день казался необычайно длинным, поэтому его надо было чем-то заполнить. Ивана все чаще проводила свободное время с компанией на Авеню¹ и в большом торговом центре рядом с железнодорожным вокзалом. Она покрасила волосы в белый цвет с фиолетовыми прядями, красивой формы пупок украсила пирсингом с искусственным хрустальным камнем.

Тут, в «Фемане», за несколько дней до рождественских праздников, она познакомилась со Стефаном. Он был старше ее на несколько лет и носил шикарную куртку «Дольче и Габбана». Она как раз прикуривала сигарету, когда он к ней подошел.

¹ Авеню – центральная улица Гётеборга, променад, местная достопримечательность со множеством магазинов, пабов и ресторанов.

– Можно и мне огоньку?

Молча она протянула зажигалку, смерив его взглядом с головы до пят. Черноволосый, невысокого роста, но привлекательный и полный какой-то внутренней энергии, он показался ей интересным.

– Ты не представляешь себе, как меня привлекают девушки, которые курят «Принц»!

– Почему?

– Потому что они – принцессы, – сказал он ей, улыбнувшись. – Можно пригласить тебя куда-нибудь выпить?

– Если ты угощаешь, я не смогу тебе отказать, – ответила она с загадочной улыбкой.

Они вошли в небольшое кафе на углу. Стол у окна был свободен, как будто заказан специально для них.

– Как тебя зовут?

– Ивана.

– А меня – Стефан.

– Где ты живешь?

– В Хьельбу¹. А ты?

– В Бископсгордене².

– Чего желаете? – прошептала над их головами официантка.

– Фруктовый коктейль, – ответила Ивана.

– А мне – эспрессо американо, – заказал Стефан.

Девушка внимательно наблюдала за ним, пока он без устали рассказывал о себе, о своих взглядах на жизнь и на людей, радуясь, что встретила такого

¹ Предместье Гётеборга.

² Иммигрантский район в предместье Гётеборга.

интересного человека, который помог скрасить монотонность зимнего серого дня. «Как непредсказуема жизнь: еще пять минут назад мы и не подозревали о существовании друг друга, а теперь, смотри, он открывается передо мной, как на исповеди. Интересный тип», – мысленно заключила Ивана.

– Хочешь, я покажу тебе свою дыру?

– Не сегодня. Мне надо домой. Есть дела.

– А на праздники? Я организую рождественскую вечеринку. Обещаю, будет кул¹. – Он был настойчив.

– Ладно! Договорились.

Так все и началось. В Сочельник город был укутан в торжественную белую мантию. Весь день снежная мука, разносимая ветром, сыпалась, как из дырявого мешка, и покрывала улицы.

Под сапогами Иваны поскрипывал снег, расстояние от автобусной остановки до квартиры Стефана она измерила мелкими шажками.

– Я знал, что ты придешь, – он не скрывал радости, что видит ее.

– Как ты знал? Я могла бы и не прийти.

– Принцессы всегда выполняют обещания.

Несколько молодых людей и девушек танцевали под мелодию, льющуюся из магнитофона, ритмически покачиваясь в такт музыке. Девушки измерили новенькую любопытными взглядами.

– Народ, я хочу вас познакомить. Это Ивана.

¹ От английского *cool*, что на сленге означает «классно, круто».

Первой к ней подошла длинноногая блондинка, на голову выше ее, худая, как сушеная вобла.

– Я – Сара. Добро пожаловать в Компанию списанных.

– Почему в Компанию списанных?

– Хочешь ликер? «Бейлис»?

– Можно. Спасибо.

Рукой с черными покрашенными ногтями Сара протянула ей стакан с ликером.

– Ты в схеме со Стефаном?

– Не понимаю. В какой схеме?

– Трахаешься с ним?

– Да нет, как тебе такое взбрело в голову?!

– Знаешь, лучше хоть какой мужик, чем никакой. А он вообще-то неплох, поверь мне.

В этот момент подошел Стефан и пригласил ее на танец. Он тесно прижался к ней, и она чувствовала теплоту его тела, ей это нравилось. Запах его одеколона «Армани» смешивался с сигаретным дымом, а приглушенный свет в комнате давал ощущение тепла и интимного расслабления. После обеда все расселись по креслам и принесенным из кухни стульям.

– Настало время десерта, – смеялся Петер Палмгрен, доставая из карманов куртки какие-то свертки. – Можете, по желанию, лакомиться, летать или пастись. Есть сладости, белое и травка. Каждый выбирает по душе.

– Стефан на спиде¹, а ты? – шептала ей на ухо Сара.

¹ От англ. *speed* (скорость) – на сленге наркоманов название для амфетамина (фенамина).

– Я – иногда джойнт¹.

– Ты как тот воробей, который ничего не чувствовал, – захихикала Сара.

– Какой воробей?

– Сейчас услышишь. Фугашили² медведи под дубом на опушке леса. Увидел их воробей, таких расслабленных и веселых, и начал просить, чтобы и ему дали один джойнт попробовать. Ему дали, а он затягивается и затягивается. «Что чувствуешь? – спросили у него медведи, когда он закончил. – Ничего? Как это ничего?» – удивились медведи и дали ему еще один. Выкурил воробей, успокоился, смотрит в пустоту. «А что сейчас чувствуешь?» – «Ничего». – «Как ничего?» – удивляются медведи. «Ничего! Ни клюва, ни ног, ни крыльев – ничего!»

Комнату разорвала громоподобная волна смеха. Петер из пакетика доставал ароматную травку, предлагая Иване взять первой. Сара щелкнула зажигалкой, Ивана сделала первую затяжку, и сладкий запах марихуаны смешался с ароматами духов, алкогольных испарений и пота.

Несколько из них сидели на полу рядом с чем-то, что напоминало кальян. С откинутыми назад головами, втягивая дым до глубины легких, они передавали друг другу трубку, насаженную на длинный шнур.

¹ От англ. *joint* (скрутка) — на сленге наркоманов «папироса, сигарета или самокрутка, наполненная курительным наркотиком».

² На сленге наркоманов означает «курить марихуану, гашиш».

– Хочешь попробовать? – Петер протянул ей трубку.

– А это не опасно?

– Ничего более безобидного я не мог бы тебе предложить. Возьми, не бойся.

Она послушалась и села рядом с Петером. К ним присоединился и Стефан, сев над ней и обняв ее ногами. Она зачарованно ждала, что с ней произойдет. Ничего не происходило, только казалось, что эта ночь длится бесконечно долго. День Рождества уже перевалил далеко за полдень, когда она проснулась. Первое, что увидела, была ладонь Стефана, лежащая на ее нагом бедре. Вчерашняя веселая компания лежала на полу кто где успел. Петер Палмгрэн невозможно храпел, перекинув босую ступню через Сарину руку, блестящую черными лакированными ногтями.

Литературно-художественное издание
Серия «Проза нашего времени»

МИЯИЛОВИЧ ДРАГАН

ДЕВОЧКА И ВЕТЕР

Перевод с сербского Л. Зелькович

Книга издана в авторской редакции

Художественное оформление серии: *А. Б. Архутик*
Корректор *О. В. Круподер*

Подписано в печать с готовых файлов 26.05.2016 г.
Формат 80×100/32. Гарнитура «CharterС».
Печ. л. 8,5. Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»
115477, Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс (495) 755-81-23

Е-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru